

ДЖОАННА СТИНГРЕЙ, МЭДИСОН СТИНГРЕЙ

JOANNA STINGRAY & MADISON STINGRAY

СТИНГРЕЙ

В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Stingray

Through
the Looking
Glass

Персона (АСТ)

Джоанна Стингрей
Стингрей в Зазеркалье

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

Стингрей Д.

Стингрей в Зазеркалье / Д. Стингрей — «Издательство АСТ»,
2019 — (Персона (АСТ))

ISBN 978-5-17-116043-2

Новая книга Джоанны Стингрей, американской певицы и музыканта, называется «Стингрей в Зазеркалье» и является продолжением ее первой книги «Стингрей в Стране Чудес». Вы узнаете, как все было на самом деле... История любви Виктора Цоя и Наталии Разлоговой, съемки фильма Сергея Соловьева «АССА», концерты Майка Науменко и «Зоопарка», «Поп-Механики и «Калинова моста», первая запись на Западе альбома Бориса Гребенщикова и группы «Аквариум», приезд Виктора Цоя и Юрия Каспаряна в Лос-Анджелес, новые встречи в Москве с музыкантами и художниками, начало Перестройки и начало новой жизни... История захватывающих приключений Джоанны в России начинается в конце 80-х годов XX века и продолжается еще целых десять лет. Ее воспоминания открыты и удивительно честны. Воспоминания о людях, которых она любила и продолжает любить. «Я с головой погрузилась в это «безумное чаепитие», по уши влюбилась в этих парней, в этот город и заодно в эту страну. Я научилась согреться на холодных улицах коммунистической России, научилась за масками и за показным имиджем видеть живых людей».

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-116043-2

© Стингрей Д., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Посвящение	7
Особая благодарность	8
Предисловие	9
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джоанна Стингрей, Мэдисон Стингрей Стингрей в Зазеркалье

Оригинальное название *Stingray Through the Looking Glass*

Издательство благодарит Джоанну Стингрей за предоставленные фотографии из личного архива

© J Stingray Inc., 2019. Translated by Alex Kan

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящение

Моей матери Джоан Николас, скончавшейся 6 апреля 2019 года. Она была опорой и поддержкой для меня все эти годы, и мы все думаем о ней и вспоминаем ее каждый день.

Моим дорогим друзьям Виктору Цою и Сергею Курёхину. Своим видением и своими голосами они осветили для меня весь мир. Они творили вместе со звездами, память о них и их музыка будут жить вечно.

Всем моим *tovarishees* из мира культуры. Спасибо вам! Вы открыли для меня подлинную свободу и наполнили сердце и душу цветами радуги. Исходившие от вас смех, творчество и любовь стали для меня вдохновением на всю жизнь.

Магии и жизненной силе Рок-н-ролла, да спасет он нас всех!

Особая благодарность

Редьярд Киплинг как-то сказал: «Сад не вырастить, сидя в уютной тени и приговаривая «Как все прекрасно!». Мои книги «Стингрей в Стране Чудес» и «Стингрей в Зазеркалье» никогда не получились бы столь живыми и яркими без энергии, любви, страсти и таланта двух невероятных людей, которым я навеки благодарна:

Мэдисон Стингрей не только занимает большую часть моего сердца, она еще и сумела слить в единую цельную картину мои воспоминания о России. Спасибо тебе, дочь, за любовь ко мне и к моим друзьям, с которой ты воссоздала наши истории. Рок-н-ролл ты превратила в волшебство.

Алекс Кан – никто другой не сумел бы передать эту историю на русском языке со всеми ее изгибами, поворотами и оттенками. Тонкой рукой и сильным голосом ты удержал в переводе все ее бесчисленные мотивы. Спасибо тебе за то, что благодаря тебе я сумела почтить память и наших друзей, и нашей общей жизни.

Предисловие

Кроличья нора, в которую я впервые провалилась в марте 1984 года, открыла для меня хаотичный, но чарующий и захватывающий мир. Я попала в самую гущу музыкального и художественного андеграунда Ленинграда, в укромный, спрятанный, как сердце под ребрами, уголок советской реальности и окрестила его «Страной Чудес». С первой же встречи с волшебным Борисом Гребенщиковым и другими пиратами-творцами я подседа на магию этого места, где невзгоды превращаются в музыку, а страдания – в песни. Следующие четыре года я провела, бесконечно переносясь через Атлантику и два континента, чередуя неделю в зачарованной Земле сказок и противоречий с тремя месяцами томительного лос-анджелесского ожидания возможности вновь вернуться в Страну Чудес.

Мне ужасно хотелось поделиться с Западом той неумемной творческой энергией, могучими эмоциями, прекрасной музыкой и искусством, которые я открыла для себя в Ленинграде. Вывезенная тайком музыка моих друзей превратилась в изданный в Америке двойной альбом *Red Wave – Four Underground Bands from the USSR*. «Музыка не имеет границ» – эти слова стали моим девизом, моим лозунгом, моей мантрой.

Я с головой погрузилась в это «безумное чаепитие», по уши влюбилась в этих парней, в этот город и заодно в эту страну. Я научилась согреться на холодных улицах коммунистической России, научилась за масками и за показным имиджем видеть живых людей. За четыре года с момента моего первого приезда изменилось очень многое, мы были в самом разгаре гласности и перестройки, но куда в конечном счете приведет нас этот путь, сказать было совершенно невозможно. Я стала героем для советской молодежи и врагом советского государства, в течение полугода мне отказывали в визе и не пустили на собственную свадьбу. Но к концу 1987 года мы с Юрием Каспаряном наконец-то поженились, а Михаил Горбачёв наконец-то сумел сбросить с себя сдерживавшие его оковы старой гвардии. Революционные перемены в стране захватывали воображение: все и всё, в том числе и я, с замиранием сердца ждали, что же произойдет дальше.

Не могла я отделаться и от страха: ведь в Матушке России неизменным остается только одно – непредсказуемость ее будущего.

Глава 1

Из единого – многие

Как только самолет оторвался от взлетно-посадочной полосы Пулково, меня охватили спокойствие и умиротворенность. Ощупывая пальцем рельефную поверхность проставленного в мой паспорт в ленинградском Дворце бракосочетания штампа, я со счастливой улыбкой думала о своем муже Юрии Дмитриевиче Каспаряне. Самолет болтало, и в этой болтанке мне чудился ветер перемен, который в конечном счете соединит нас всех. Я больше не должна разрываться между Америкой и Россией, обе они сплелись в единое, согревающее мое сердце целое.

– Чай? – услышала я голос стюардессы.

Потягивая горячий горьковатый напиток, я думала о русских и их любви к чаю. Чай был неотъемлемой частью повседневной жизни, как чистка зубов по утрам или завтрак, – ритуал, помешать которому не могли никакая погода и никакое настроение. Чаем сопровождалось все: написание песен, проведение интервью, планирование концертов, да и сами концерты. «Чайное» мгновение тишины – будь то в одиночестве, с друзьями или с деловыми партнерами – я и по сей день стараюсь включать в свою жизнь.

Поперхнувшись очередным глотком, я стряхнула с себя все пробудившиеся с чаем ассоциации и отставила пластиковый стаканчик подальше. Нет, мне все же больше по душе горячий шоколад.

...Спокойствие и сосредоточенность русских – то, что символизировала для меня их страсть к чаю, – в полной мере уравновешивались суетой и хаосом, неизменно встречавшими меня в ленинградском аэропорту. Стоило мне вновь оказаться в Стране Чудес, как меня тут же поглотила, затолкала и сбила с ног толпа. Огромная бесформенная масса людей изо всех сил старалась побыстрее и поближе пробиться к стеклянным дверям выхода. Я обернулась, но увидела только непроницаемые лица со свисающими из углов рта сигаретами. Я чуть не расхохоталась. Вот тебе твоя Россия! Я вернулась!

Однако страна, в которую я вернулась, была уже иной. В считанные месяцы моего отсутствия она изменилась – вслед за начатыми Горбачевым реформами, обретенной внезапно свободой и открытостью творческого самовыражения. Я привыкла к изолированному, тайному, устроенному по принципу коммуны оазису, который рокеры – и я вместе с ними – вырыли для себя в непроницаемом советском монолите. Раньше, когда бы я ни приехала в Ленинград, меня все ждали, лениво вытянув ноги на столе рядом с открытой банкой рыбных консервов. Цепь была неразрывной, о чем когда-то с болью предупреждали нас *Fleetwood Mac*¹. Ведь куда было деваться этим парням? До этого момента ничего и никого кроме друг друга у нас не было. И вдруг только вчера еще андеграундный русский рок стал последним писком моды – песни «Кино», «Аквариума», «Алисы» беспрерывно звучали по радио. Их бесконечно звали на телевидение и с нетерпением ждали с концертами по всему огромному Союзу. Вслед за историческим дебютом неподцензурной пластинки «Аквариума» на «Мелодии»² аналогичные предложения получили «Кино» и «Алиса».

Именно об этом мы мечтали, сидя в подвалах или в темной самопальной студии Вишни³. Мы были счастливы, и я захлебывалась от гордости за своих друзей. Однако к этим радостным

¹ Имеется в виду песня британско-американской рок-группы *Fleetwood Mac* – *The Chain* («Цепь»), с ее повторяющимся припевом: *You would never break the chain* («Ты никогда не разорвешь эту цепь»). – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² Первая «официальная» пластинка «Аквариума» на «Мелодии» вышла в конце 1987 года.

³ *Алексей Вишня* (род. 1964) – петербургский рок-музыкант и звукорежиссер. Звукорежиссуре учился у знаменитого Андрея Тропилло. В 1984 году у себя дома оборудовал студию звукозаписи, которую назвал «Яншива Шела». В студии Вишни

чувствам примешивалась и внезапно зашевелившаяся где-то внутри меня грусть: я не могла отделаться от ощущения, что вижу, как рвется, рассыпается когда-то казавшаяся неразрывной соединяющая нас цепь.

Главным знаком перемен для нас всех стал немедленно превратившийся в культовую классику фильм Сергея Соловьёва «Асса». На главную роль Сергей пригласил Африку, а саундтреком «Ассы» стали песни «Аквариума» и других андеграундных групп. Самой знаменитой и самой запоминающейся сценой фильма стал символизирующий высвобождение музыки из-под государственного контроля финал. Виктор Цой, игравший одного из музыкантов группы Африки, приходит устраиваться на работу в ресторан и вынужден выслушивать целый набор глупых и бессмысленных правил, которые ему зачитывает женщина-администратор. Просидев так минуту-другую, он молча встает и по безликим пустым коридорам выходит на сцену под вступительные аккорды своей песни «Перемен!». По мере того как он поет, убогая безжизненная обстановка тесного ресторана во время заключительных титров фильма преобразается в огромное открытое пространство, заполненное тысячами восторженных фанов с высоко вздетыми вверх руками, в которых горят огни. Сила и энергия, излучаемые Цоем, были физически ощутимы даже с экрана, и Виктор мгновенно стал крупнейшей звездой и героем всей России. У «Кино» появились настоящие менеджеры, гастрольный график был заполнен на месяцы вперед, и в день моего приезда они как раз улетали куда-то далеко из Ленинграда. Наше племя раздробилось, из единого стало множеством, полной противоположностью украшающему герб США латинскому девизу, провозглашающему единство из множества⁴.

Был декабрь 1987 года, и для меня тот приезд начался не со встречи с близкими старыми друзьями, а с концерта во Дворце молодежи одной из новых звезд постоянно расширяющейся рок-сцены страны. Свое название фолк-группа «Калинов мост» взяла из прославленного в русских былинах и сказаниях моста, соединявшего мир живых и мертвых. Родом группа была из Новосибирска, а во главе ее стоял харизматичный вокалист и автор песен Дмитрий Ревякин. Лицом он напоминал Джима Моррисона, а манера исполнения его была пропитана психоделической чувственностью. Во всем его облике – в яркой голубой рубашке и глазах хиппи – были невероятная сила и духовность. После окончания каждой песни зал погружался во тьму, а первые звуки новой прибывшая к сцене толпа встречала восторженными криками.

И вдруг, когда с началом новой песни сцену вновь залил свет, я увидела на ней сверкающего своими хитрыми карими глазами Костю. Мне уже говорили, что он большой поклонник этой новой группы, и, услышав его страстный голос, я вскочила и запрыгала вместе со всей толпой. Костя и Дмитрий пели вместе, публика всю им подпевала, протягивая руки к своим кумирам. Вдруг я увидела, как под восторженные крики группа парней понесла Костю на руках. Как темный ангел, он плыл над толпой среди всеобщего восторженного возбуждения. Это была та Страна Чудес, которую я помнила.

В самом конце концерта Костя положил руки на плечи Дмитрия, и они стояли бок о бок, тесно прижавшись друг к другу. На мгновение мне захотелось оказаться там же, в теплом объятии рук Кости. Вдруг и у себя на плечах я ощутила чьи-то руки. Обернувшись, я увидела, что все находившиеся в зале люди примкнули друг к другу и воздели руки вверх – как символ рок-единства. Я почувствовала, что плыву по морю любви, и поняла: пока у меня есть рок, я никогда не буду в одиночестве. Я запрокинула голову и радостно закричала вместе со всеми.

записывались «Кино», Александр Башлачёв, «Кофе», АВИА и другие ленинградские рок-музыканты.

⁴ Герб США украшен латинским выражением *E pluribus unum* – «Из многих – единое». В латинском выражении 13 букв – столько же, сколько штатов образовали в 1776 году освободившееся от английского колониального владычества новое независимое государство, и девиз символизирует единство нации, составленной из различных колоний.

Глава 2

История любви

– Я ушел от Марьяны.

– Что?! – пораженная услышанным, я уставилась на Виктора и поняла, что почти не узнаю его.

– Я ушел от Марьяны, – спокойно повторил он.

Могу поклясться, что в голове у меня в этот момент раздался звон разрываемой цепи. Я растерянно оглянулась по сторонам, как будто ожидая, что стены вокруг меня обрушатся. Виктор и Марьяна были в моем сознании неразрывны и непоколебимы – два лица с неизменно хитрыми улыбками, пара, за которой я следовала по улицам и квартирам Ленинграда.

Вопрос «почему?» уже готов был сорваться с моих уст, но, вновь встретившись глазами с серьезным умным взглядом Виктора, я поняла, что верю ему безоговорочно. Человеком он был уравновешенным, импульсивным, к непродуманным шагам не склонным, и если он решил уйти от Марьяны, то тому была наверняка серьезная причина.

Они всегда казались крепкой парой, но в то же время производили впечатление скорее лучших друзей, чем романтических влюбленных. Виктор проводил с Марьяной куда больше времени, чем все остальные наши женатые друзья со своими женами; она была, по сути дела, менеджером «Кино», и он полностью доверял ее мнению и ее характеру. При всей его активности друзей у Виктора было не так уж и много. На общих вечеринках он появлялся на пару часов, а потом исчезал в темноту. Ему куда больше нравилось проводить время с Густавом, Юрием и со мной на диване или же с Марьяной и сыном Сашей дома. Кроме нескольких ближайших самых верных друзей и близких душ ему, казалось, никто и не был нужен.

И вот в Ялте, во время съемок фильма Сергея Соловьева «Асса», он нашел по-настоящему родственную себе душу. Когда он рассказывал мне о Наташе Разлоговой⁵, я видела, насколько он изменился за те месяцы, что меня не было в стране. Он эмоционально окреп, стал тверже в своих убеждениях. В том, как он говорил, расслабленно раскинувшись в кресле и лениво улыбаясь, чувствовалась уверенность и удовлетворение собой и своей жизнью. В глазах, однако, была и грусть: причиненная Марьяне и Саше боль явно тяготила его, но в то же время она уравновешивалась совершенно очевидной легкостью и счастьем. Виктор был неизменно предан своему внутреннему кругу и очень осторожно относился к любой опасности причинить кому бы то ни было из нас боль. У меня не было сомнений в том, что меньше всего на уме у него было предательство.

– Нас познакомили на «Мосфильме», а подружились мы уже в Ялте, во время съемок «Ассы», – рассказывал он. По профессии Наташа была преподавателем и переводчицей, но решила заняться кино. Она была замужем, и у нее был сын, хотя с мужем к тому времени она уже рассталась и жила с другим человеком. – Я сказал ей, что у меня есть сын и официально я женат, но этот брак носит скорее деловой характер, – продолжал Виктор. – Говорил я с нею очень серьезно, но в то же время влюбился в нее по уши.

Несколькими годами позже, уже после гибели Виктора, Наташа со смехом рассказывала мне, что и думать не думала о романе с Виктором во время того первого приезда на съемки в Ялту.

– Он был ужасно мил! Это единственное, что я тогда отметила. Мы были из совершенно разных миров, и никаких причин продолжать общение у нас вроде бы и не было.

⁵ *Наталья Разлогова* (род. 1956) – журналистка, кинокритик и переводчица. С 1987 года и вплоть до гибели Виктора Цоя в августе 1990-го года их связывали тесные отношения.

Со съёмок Виктор вернулся в Ленинград, Наташа осталась в Ялте. Вскоре он понял, что ни о чем другом, кроме нее, думать не может. У кого-то из участников съемочной группы он раздобыл номер ее телефона в гостинице, позвонил и сказал, что хочет ее увидеть.

– Ты же всегда можешь приехать в Ялту, – шутливо ответила она.

– Ну, если Соловьев еще раз организует приезд «Кино», то я, конечно, приеду.

Наташа оставила этот разговор без особого внимания. Мужчина говорит, что очень хочет ее увидеть, но приедет только в том случае, если это будет деловая поездка! Билеты тогда стоили гроши, и ей казалось, что уж если он на самом деле так хочет ее видеть, то мог бы приехать и сам, не дожидаясь, пока поездку кто-то организует. Она совершенно не отдавала себе отчет, насколько стесненной в средствах была в то время жизнь Виктора – в отличие от жизни московской элиты, частью которой была Наташа. Вместе с Марьяной, ее мамой, бабушкой и сыном Сашей он жил в тесной замызганной квартирке на окраине Ленинграда.

Названивал он ей, тем не менее, регулярно.

– Даже от звука ее голоса я чувствовал себя счастливым, – с глуповатой улыбкой признавался он мне.

Когда он все же приехал в Ялту во второй раз, они часами, ночи напролет говорили.

– Ничего подобного ни с кем другим у меня никогда не было, – рассказывал мне Виктор. – Понимаешь, Джо, она как бы дополняет, завершает меня.

Я крепко обняла друга и прижалась к нему:

– Я так рада за тебя!

Наташа призналась мне уже позже, как в этот второй приезд ее очаровали ум, доброта и внутренняя независимость Виктора. За несколько дней до того, как им обоим нужно было разъезжаться из Ялты по своим городам, Наташа перебралась в гостиничный номер Цоя. Сидя на кровати и слушая, как он напевает только что написанную, еще никем не слышанную «Группу крови», она поняла, насколько серьезны для него их отношения. Виктор был не из тех, кто готов с кем попало делиться еще незавершенными песнями. Он уже признался ей в любви, говорил, что такого настоящего чувства у него никогда не было, но она воспринимала его слова как сиюминутный порыв. И только в этот момент, видя нервный блеск его глаз во время исполнения песни, она поняла, что говорил он ей правду.

На следующий день Наташа уехала в Москву, а Виктор – в Ленинград. Через некоторое время они коротко увиделись в Ленинграде, но в июне Наташа отправилась на все лето на дачу, где телефона не было. И только когда она уже уехала, Виктор понял, что адреса у него нет.

И вот на даче, рано-рано утром, в шуме теплого летнего ветра и шелесте листьев она услышала зовущий ее голос. До сих пор она не знает, как Виктор сумел разыскать ее в крохотной, отдаленной деревушке, но Наташу это полностью покорило.

Они решили жить вместе, однако легче сказать, чем сделать. Виктор съехал с квартиры Марьяны, жил по друзьям и отчаянно пытался найти какое-то жилье подешевле. Он постоянно ездил в Москву, где останавливался у Наташи; познакомился с ее матерью и сыном и с улыбкой слушал, как Наташа представляет его родным и друзьям как своего парня. Мотаться между двумя городами ему приходилось постоянно: у Наташи в Москве была работа, а у Виктора в Ленинграде – группа, и он все еще работал в «Камчатке»⁶.

Затем Виктор уехал в Алма-Ату на съемки фильма Рашида Нугманова «Игла», где играл главную роль.

⁶ «Камчатка» – легендарная котельная на Петроградской стороне, где Виктор Цой проработал кочегаром с лета 1986-го по январь 1988 года. Кроме Цоя в «Камчатке» работали еще несколько известных ленинградских рок-музыкантов и художников: Слава Задерий («Алиса»), Александр Башлачёв, Олег Котельников («Новые художники») и др. Уже тогда «Камчатка» стала культовым местом, где проходили неофициальные концерты. «Камчатка» увековечена в одноименной песне группы «Кино» и в фильме Алексея Учителя «Рок». Сейчас там музей Виктора Цоя и клуб, где регулярно проводятся концерты и кинопоказы.

– Несколько раз она приезжала ко мне в Алма-Ату во время съемок, – рассказывал Виктор. – Жили мы тогда у брата Рашида... Все это ужасно сложно, требует от нас бесконечных поездок, но я готов на все, готов делать что угодно и ехать куда угодно, лишь бы быть с нею.

У меня всегда было ощущение, что Виктор ищет внутри себя что-то важное, чего ему не хватает. Не думаю, что он знал, что это важное в нем есть, и этот поиск, это ощущение пустоты разъедали его. В нем постоянно шло какое-то брожение, и Наташа стала той самой пробкой в бутылке, которая не давала его вину скиснуть.

– Почему ты ничего мне не говорил раньше?! – воскликнула я.

– Мне очень хотелось тебе рассказать, но ведь почти весь восемьдесят седьмой год тебя здесь не было из-за проблем с визой. Ну и когда тебя наконец впустили, я не считал, что это та история, которой нужно морочить тебе голову, – ведь ты была полностью занята свадьбой. Джо, я знаю, насколько для тебя важно, чтобы наша группа держалась вместе, и как непросто тебе будет смириться с этими переменами. Я не хотел нарушать твое счастье.

– Да ты что, с ума сошел?! Ты нашел то, что все мы ищем! Я ужасно, ужасно за тебя рада!

Я на самом деле была рада. Больше всего на свете я хотела, чтобы мои друзья были счастливы – и Виктор прежде всего. И все же, расставшись с ним в тот вечер и шагая в одиночестве по улице, я почувствовала, как в груди у меня зарождается страх. Виктор прав – я не люблю перемен и боюсь их. Я привыкла чувствовать себя частью чего-то большого и целого, а теперь это целое рассыпается на множество мелких кусочков; каждый из тех замечательных парней, которых я так любила, плывет в свою сторону, а я на этом ветру перемен лихорадочно пытаюсь удерживать свои паруса и свой курс.

Всю ночь я крепко прижималась к Юрию, это давало мне ощущение безопасности и стабильности. Заснуть я не могла и, глядя в окно, наблюдала, как с приближением утра чарующая тьма звездного неба тает и как оно расцветает новыми красками. Эти новые цвета были совершенно другими, но они были прекрасны.

Глава 3

Новое видение

Прилетев домой и едва успев войти в свой съемный домик в каньоне Беверли Глен⁷, я сразу позвонила в Нью-Йорк.

– Привет, – переводя дыхание и выпутываясь из ремней многочисленных сумок, проговорила я. – Я жду Бориса Гребенщикова.

Четыре года я ждала приезда Бориса в мой родной город, четыре года представляла, как повезу его вверх по Малхолланд⁸ и промчу по Родео-драйв⁹. В России он уже пользовался огромной популярностью, а теперь вот-вот должна была исполниться и его мечта записаться на Западе. В кармане у него была месячная виза в Америку, в первую очередь он летел в Нью-Йорк, но должен был добраться и до Города Ангелов.

Борис стал первым из моих друзей, чья нога ступила на американскую землю. И хотя от работы над его американским альбомом я была отстранена, на моем отношении к нему это несколько не сказалось, и больше всего на свете мне хотелось увидеть его реакцию на страну, о которой он мечтал всю жизнь. Он так много знал об Америке и ее культуре, много больше других, и мне ужасно хотелось увидеть, насколько реальная страна будет соответствовать сложившемуся у него в голове представлению. Я знала, что ему виделись огромные пространства, голубое небо, обрамленные глубокими лесами и желтыми пустынями города, в которых жили любимые им поэты, писатели и философы: Аллен Гинзберг, Джек Керуак, Ричард Бах¹⁰ и Роберт Хайнлайн¹¹. Он впитал в себя бесчисленное количество информации из западных музыкальных журналов, попадавших к нему в руки то ли по каналам черного рынка, то ли привозимых в Ленинград западными друзьями. Он прекрасно знал западный рок и слушал множество групп, о которых большинство американцев не имели ни малейшего понятия. И вот, наконец, он увидит страну, из которой появилось все то, о чем он так много читал и так много слышал.

Мне, наверное, не стоило удивляться, когда я вдруг узнала, что советские власти потеряли какие-то документы Бориса на выезд. А он еще даже не вылетел! Как они могли торозить Бориса как раз в то время, когда Горбачёв был в Вашингтоне на своем вот уже третьем саммите с Рейганом?! Ну, наверное, в точном соответствии с пословицей «кот из дома, мыши в пляс». Мышами, затеявшими свою зловещую игру, в данном случае была старая гвардия Политбюро и ЦК КПСС – твердокаменные аппаратчики прежней закалки, изо всех сил старавшиеся удержать как можно больше земли, уходящей у них из-под ног под влиянием освежающей весны горбачевской гласности. Один из них – министр культуры Захаров – по-прежнему яростно и публично хаял рок-н-ролл. Тот самый Захаров – со злобным оскалом

⁷ *Беверли Глен* – район Лос-Анджелеса, ограниченный бульваром Сансет на юге и дорогой Малхолланд Драйв на севере.

⁸ *Малхолланд Драйв* – дорога на восточном склоне горной гряды Санта-Моника. С Малхолланд Драйв открывается великолепный вид на Лос-Анджелес. Дорога увековечена одноименным фильмом режиссера Дэвида Линча (2001).

⁹ *Родео-драйв* – улица в Беверли-Хиллз, одна из самых знаменитых и фешенебельных улиц Лос-Анджелеса.

¹⁰ *Ричард Бах* (род. 1936) – американский писатель и философ, по первой специальности военный летчик. Всемирную известность, а в СССР культовый статус среди контркультурной молодежи, приобрел благодаря повести-притчи «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» (*Jonathan Livingston Seagull*), опубликованной в русском переводе в журнале «Иностранная литература» в 1974 году. В начале 1980-х годов близкий друг и соратник Гребенщикова, лидер группы «Зоопарк» Майк Науменко перевел на русский язык повесть Баха «Иллюзии, или Приключения вынужденного Мессии» (*Illusions: The Adventures of a Reluctant Messiah*).

¹¹ *Роберт Хайнлайн* (1907–1988) – американский писатель-фантаст и философ, наряду с Айзеком Азимовым и Артуром Кларком один из «Большой тройки» писателей-фантастов. Хайнлайн оказал большое влияние на формирование контркультурной концепции «Мир как миф», разработанной им в основополагающем труде «Число зверя» (1980).

матерый волк, которому в апреле 1987 года я отправляла телексы о концертах Боуи в Москве и о пожертвовании фирмой *Yamaha* Ленинградскому рок-клубу инструментов и музыкального оборудования на 25 тысяч долларов. Тот самый Захаров, который полностью игнорировал не только меня, но и конгрессмена Энтони Бейленсона, писавшего ему о моих визовых проблемах. Советские чиновники были старые сторожевые псы, и новых приемов у них в арсенале не было. При необходимости они вновь извлекали из заглавника старые трюки с визами и паспортами, а любые попытки побороть их подрывную деятельность сталкивались с непробиваемым «Радио Тишина». Не случайно, наверное, и свой американский альбом Борис назвал *Radio Silence*.

– Джо! – радостно закричал он, когда я наконец увидела его на фоне лос-анджелесских пальм. – Я уже и не чаял когда бы то ни было выехать из России!

– Так что же случилось? – нетерпеливо спросила я, едва выбравшись из его объятий.

– Ну, надо сказать, я с самого начала не питал особых надежд на то, что меня выпустят. Я уже был в Москве, полностью готовый к поездке, когда мне вдруг говорят, что мои документы потеряны. Ну что ж, я всего лишь пожал плечами и подумал: о'кей, обратно в Ленинград, обратно к музыке.

Я чуть было не расхохоталась, услышав обычное для Бориса дзенское отношение к жизни. Он был как глыба на дне океана, непоколебимый в своем теплом и уверенном спокойствии, несмотря на бушующий вокруг и у него над головой шторм.

– Хотела бы я иметь твое самообладание, – говорю я. – У меня бы точно крыша поехала.

– У тебя она и так поехала, – с ехидной улыбкой ответил он.

В Нью-Йорке у Бориса уже была короткая встреча с главой компании *CBS* Уолтером Этникоффом¹², а в Лос-Анджелес он приехал говорить с Дэйвом Стюартом о продюсировании своего альбома¹³. Для меня сам факт того, что я вижу его здесь, на моей половинке Земли, был из области совершенной фантастики. Сам он все происходящее вокруг воспринимал с присущим ему спокойствием и уравновешенностью, но и по сей день мне хотелось бы знать, как чувствует себя человек, безвылазно проживший 34 года в России и вдруг оказавшийся в окружении того, о чем он мечтал всю жизнь.

Я повезла его в *Guitar Center Hollywood* – крупнейший и самый знаменитый в Лос-Анджелесе гитарный магазин – и смотрела, как с горящими от возбуждения глазами он рассматривает сотни висящих по стенам гитар. Инструменты и аппаратура были постоянным предметом жалоб и стенаний русских рок-музыкантов, а здесь их было столько, что хватило бы на целый год концертов. Затем мы отправились в супермаркет *Gelson's* в Беверли-Хиллз, где у матери была расчетная карта, и я велела ему покупать все, что ему захочется. Он удивленно бродил вдоль рядов свежих овощей и фруктов, не только сезонных, но и привезенных со всего мира, а потом застрял в нерешительности, пытаясь сделать выбор между двенадцатью сортами яблок. А разнообразие сортов кофе и вовсе повергло его в замешательство. Я никогда не видела его таким – настолько выбитым из колеи и своей привычной зоны комфорта. Этот человек, без малейших колебаний противостоящий своему собственному государству, создающий в подпольных условиях музыку, пробуждавшую в молодежи чувство протеста, оказался вдруг сражен открывшимся у него перед глазами огромным выбором кофе. Если я, приезжая в Россию, считала безумием, что кофе у тебя может быть только одного сорта, то он искренне не мог понять, зачем в магазине иметь выбор из сотни сортов.

¹² Уолтер Этникофф (род. 1933) с 1975 по 1990 год был президентом и генеральным директором компании *CBS Records International*.

¹³ Дэйв Стюарт (род. 1952) – британский музыкант и композитор, сооснователь и участник вместе с Энни Леннокс дуэта *Eurythmics*. Именно Стюарт после долгих поисков и колебаний был выбран в качестве продюсера американского альбома БГ *Radio Silence*.

– Людям не нужен такой выбор, – бормотал он, помешивая слитые в один пластиковый стаканчик три разных сорта кофе. – Как можно заниматься музыкой, если целый день стоишь в магазине и думаешь, что же выбрать из всего этого многообразия?

Наблюдая за его растерянностью, я поняла, насколько смешна и абсурдна каждая из этих двух крайностей. Да, я благодарна тому, что у меня есть выбор, но должен ли он на самом деле быть таким безграничным? Любые фрукты и овощи, доступные круглый год, – в этой привычной с детства картине мне теперь виделось что-то неестественное, а изобилие стало казаться признаком ненасытного чревоугодия.

По Лос-Анджелесу я возила Бориса в своей спортивной *Toyota Supra*. Я до сих пор не могу удержаться от смеха, вспоминая, как, сидя рядом со мной на пассажирском сиденье, он побелевшими от страха пальцами впивался в поручень, пока я носилась по безумным изгибам бульвара Сансет под грохочущую из динамиков музыку. Почти никто из моих русских друзей не мог позволить себе иметь автомобиль, и искусство вождения для большинства из них, в том числе и для Бориса, было тогда еще чуждым.

«Садись за руль», – сказала мне мать, когда мне было 14, и мы с нею должны были куда-то ехать. В Америке права получаешь в 16 лет после примерно полугода обучения теории и практике. Безо всяких лишних вопросов я взяла у матери ключи и села за руль. Вождение давалось мне легко, оно было у меня в крови, как неотъемлемая часть повседневной жизни. В 16, когда мать готова была купить мне мою первую подержанную машину, я выбрала двухместную спортивную модель с ручным переключением передач и своим личным номером, на котором вместо цифр красовались лишь гордые слова *Speedy Jo*¹⁴. Когда я была в ударе, то носилась на своем автомобиле как бешеная, и неудивительно, что Борис реально испугался. Никогда, даже перед полкой с кофе, я не видела его таким напряженным.

На следующий день Борис улетел в Нью-Йорк, и еще через пару дней я к нему там присоединилась. Мне повезло – я присутствовала при его знакомстве с Боуи. Лишившись дара речи, я стояла рядом с двумя своими героями, как братья-близнецы похожими друг на друга.

– Давайте я вас сфотографирую, – сказала я, доставая фотоаппарат-полароид. От волнения руки у меня тряслись – перед моими глазами были два человека, служившие самым большим вдохновением всей моей жизни.

– Как Джоанна скажет, – шутивно согласился Боуи. Со мной он всегда был дружелюбен, будто мы с ним добрые старые друзья.

Я не могла долго оставаться в Нью-Йорке – в Лос-Анджелесе должна была открыться выставка привезенных мною из Ленинграда картин друзей-художников. А через пару дней Борис позвонил и рассказал мне, что я пропустила.

– Я был у врача-окулиста, где мне сказали, что зрение у меня никуда не годится. Мне сделали очки, и, когда я их надел, то просто обалдел от удивления: вау! вот как, оказывается, выглядит мир!

Я не смогла сдержать улыбки. Наконец-то Борис видит, как много он упускал в жизни.

¹⁴ *Speedy Jo* (англ.) – «Скоростная Джо».

Глава 4

Другая картина

– Я всегда ненавидел «Гринпис» и всегда считал, что вы работаете на Советы. Если выставку не отмените, я вам галерею взорву.

За пару недель до этого грозного предостережения я узнала, что кинокомпания *Atlantic Releasing*, с которой у меня был заключен контракт на съемки фильма о моих приключениях в России, объявила о своем банкротстве. Я и глазом не повела. Я была настолько погружена в организацию выставки «Красная волна. Часть вторая», что судьба моего кинопроекта меня мало волновала. Что бы ни происходило с подспудным, но набирающим темпы распадом группы моих друзей, я была полна решимости хранить ее единство – если не во плоти, то по меньшей мере дух этого братства.

Все предыдущие четыре года в знак благодарности за инструменты, аппаратуру, кисти и краски, которые я бесконечно возила в Ленинград, художники одаривали меня своими работами. Никто из них тогда еще не имел статус «официального» и потому не мог покупать краски, кисти и холсты в предназначенных только для членов Союза художников специальных магазинах. Как и рокеры, художники выражали свою творческую энергию любыми доступными им подручными средствами. Они рисовали на полиэтиленовых занавесках для душа, делали коллажи из кусков дерева, обломков битой посуды, обрывков рваной одежды и всевозможной кухонной утвари. Не раз я в полном недоумении стояла у себя в гостиничном номере над чемоданом, ломая голову над тем, как мне вывезти эти дерзкие, совершенно необычные и по всем параметрам нестандартные работы на Запад. Их невозможно было свернуть или втиснуть даже в самый большой чемодан: помню деревянную доску размером два метра на пятьдесят сантиметров! Тем не менее кое-как, проявляя чудеса настойчивости и изобретательности, я сумела за эти годы протащить через таможенную в общей сложности около двухсот работ андеграундных художников.

«Филдс рассказала, как однажды при выезде из СССР ее остановили и стали расспрашивать о вывозимых ею полотнах художников», – такую запись, датированную 4 августа 1986 года, я нашла годы спустя в заведенном на меня ФБР деле. «Филдс утверждает, что в ответ на расспросы таможенников она заявила, что эти работы – ее собственные. И хотя подписаны они были русскими именами, ей разрешили их вывезти».

По счастью, таможенники «медведи»¹⁵ в современном искусстве ничего не понимали, и все эти работы, по их мнению, никакой ценности не представляли. Не раз я просто откровенно врала и нагло заявляла, что все это – подаренные мне на память картинки детей моих друзей. Совершенно не знакомые ни с граффити, ни с поп-артом таможенники лишь закатывали глаза и пропускали меня вместе с работами.

– Да это я просто приклеила картинку на ткань, мне показалось, что получится красиво, – не моргнув глазом, заявила я, когда они развернули одну из характерных для Тимура Новикова работ: огромный кусок ткани с приклеенной посередине крохотной аппликацией. Двое таможенников недоуменно переглядывались, рассматривая эту диковинку.

– Странно, да? – говорит один другому, жестом указывая мне двигаться дальше.

В Лос-Анджелесе я заняла у родителей деньги, снабдила все до единой привезенные мною работы прекрасными деревянными рамами, покрыла их оргстеклом и оборудовала металлическими подставками. Картины заполнили весь мой дом, который выглядел теперь

¹⁵ «Медведями» в первой книге Джоанна прозвала официальных советских чиновников, в первую очередь, нещадно шерстящих ее багаж таможенников.

в точности как уголок Музея современного искусства, и всякий раз когда я была дома, они наполняли меня непреходящей радостью. Я переходила из одной крохотной комнатки своего дома в другую, жадно разглядывая украшавшие их сокровища. То вдохновение, которое я видела в вечно сверкающих глазах ребят и которого мне так здесь не хватало, отражалось в этих работах. Я поняла, что не имею права держать их взаперти у себя дома. Они должны видеть мир, должны выйти на обрамленные пальмами улицы моего города.

– У меня куча замечательных работ русских андеграундных художников, и я хочу как-то их показать, – первой, с кем я поделилась этой своей идеей, была Кейт Карам, та самая девушка из «Гринписа», с которой я познакомилась в очереди в советское посольство в Лондоне. Чувство необходимости сохранять живую природу планеты было для меня не менее сильным, чем восхищение творческой энергией друзей. Мы все занимались общим делом, и борьба «Гринписа» против варварского отношения к нашей экосистеме казалась мне не менее важной, чем борьба моих русских друзей за свободу человеческого духа. Эти разговоры с Кейт постепенно вылились в первую в Америке выставку «Красная волна – “неофициальное” современное искусство и музыка из СССР».

«Мир – через искусство и музыку!» – всем, кто был готов слушать, я, как заклинание, пела свою новую мантру.

Для открытия выставки 28 января 1988 года в галерее Джерри Соломона в Лос-Анджелесе я отобрала восемьдесят работ, а все доходы от продажи 150-долларовых билетов должны были пойти в фонд «Гринписа». *Hard Rock Café* взяло на себя напитки и угощение, а *Yamaha* предоставила музыкальную аппаратуру для развлечения гостей. В консультативный совет вошли Дэвид Боуи, Дэвид Бирн, художник Кит Харинг¹⁶, музыкальный продюсер Клайв Дэвис¹⁷, Кэндис Берген¹⁸, Кристи Бринкли Джоэл¹⁹, вице-губернатор Калифорнии Лео Маккарти, известный астрофизик Карл Саган, итальянский коллекционер граф Джузеппе Панца и мой отчим Фредерик Николас. Согласился войти в совет и Виталий Коротич из журнала «Огонёк» – единственный представитель советского истеблишмента, не чуравшийся меня во время кризиса с визой.

В «Гринписе» отнеслись к моей затее со всей душой и напечатали прекрасные приглашения с изображением Виктора Цоя. Сделали они и раскладной буклет-гармошку с подробным представлением каждого художника. Никому из художников приехать на открытие собственной выставки не удалось, но вся галерея была уставлена мониторами, на которых крутились снятые нами с Джуди видеоклипы и интервью с ребятами, а из саунд-системы гремела авангардная музыка «Новых композиторов»²⁰.

– А что если мы сделаем на продажу футболки с работами из нашей экспозиции? – вдруг задалась я вопросом за несколько дней до выставки.

– Джоанна, мне никогда не понять, как твой мозг рождает такие замечательные идеи, когда времени на их осуществление уже почти не остается? – услышала я в ответ чье-то недо-

¹⁶ *Кит Харинг* (1958–1990) – художник-экспрессионист из круга Энди Уорхола, оказал большое влияние на формирование эстетики ленинградских «Новых художников».

¹⁷ *Клайв Дэвис* (род. 1932) – с 1967 по 1973 год президент *Columbia Records*, куда он привлек таких звезд, как *Blood, Sweat and Tears*, *Santana*, Брюс Спрингстин, *Aerosmith*, Билли Джоэл. В 1974 году основал собственный лейбл *Arista Records*, артистами которого стали Уитни Хьюстон, Патти Смит, Пафф Дэдди. Он также продюсировал Арету Франклин, *Grateful Dead*, Лу Рида и Карлоса Сантану. В 2000 году Клайв Дэвис был принят в Зал славы рок-н-ролла в категории «Неисполнители».

¹⁸ *Кэндис Берген* (род. 1946) – актриса и модель, наиболее известная по ролям в телесериалах «Мёрфи Браун» и «Юристы Бостона».

¹⁹ *Кристи Бринкли Джоэл* (род. 1954) – американская актриса, фотомодель, писательница, модельер, активистка и певица. Во время описываемых событий была замужем за известным рок-музыкантом Билли Джоэлом.

²⁰ «*Новые композиторы*» – созданная в 1983 году в Ленинграде Игорем Веричевым и Валерием Алаховым группа, название которой перекликалось с «Новыми художниками» Тимура Новикова и отражало столь же свежий и экспериментальный подход к искусству. В звучании «Новых композиторов» элементы электронной танцевальной музыки сочетались с изобретательным звуковым коллажем. Сотрудничали с Сергеем Курёхиным, Питом Намлуком, Брайаном Ино.

вольно-восхищенное бормотание. И действительно, полное отсутствие талантов к рисованию у меня компенсировалось непрекращающимся фонтанированием идеями.

Мы выбрали пяток самых ярких работ Тимура Новикова, Густава Гурьянова, Олега Котельникова, Андрея Медведева²¹ и Майи Хлобыстиной²². Каждая футболка была снабжена ярлычком с надписью: «*На этой футболке воспроизведено новое искусство из СССР. Авторы этих картин – группа молодых ленинградских художников, которые называют себя “Новые художники”*». И дальше на двух языках: «*Peace through art and music – Мир через искусство и музыку*».

В понедельник и в среду, буквально накануне открытия, в офисе «Гринписа» раздались анонимные телефонные звонки: мужской голос грозил взорвать галерею. Человек этот явно не понимал мирный смысл всего нашего проекта, и для него главным был его агрессивный американский шовинизм.

– Если ты не возражаешь, то, несмотря ни на что, «Гринпис» все же намерен открыть выставку, – сказала мне, сообщив о звонках, Кейт Карам. – В 1985 году корабль «Гринписа» был подорван в Новой Зеландии, и к подобным угрозам мы относимся со всей серьезностью. В день открытия придут полицейские, они самым тщательным образом обыщут все помещение, а сопровождать нас будут секьюрити.

– Ничто не остановит меня от показа работ моих талантливых друзей на Западе, – ответила я. – Они воины, и я такой же воин, как и они.

В тот же день Кейт дала интервью газете *Los Angeles Times*: «Именно поэтому “Гринпис” пытается способствовать взаимопониманию между Востоком и Западом. Мы должны научиться понимать, а не ненавидеть друг друга».

Мы всего лишь хотели показать американцам иную Россию, не ту, которую они привыкли видеть в фильмах типа «Рэмбо». Есть чувство солидарности молодых людей по всему миру, занимающихся искусством. «*Ну почему?!* – думала я, проходя по залам галереи за полчаса до открытия. – *Почему еще есть люди, до сих пор не способные это понять?*»

²¹ *Андрей Медведев* (1959–2010) – живописец, график, фотограф, один из ведущих членов группы «Новые художники». Наряду с галереей «Асса» на улице Войнова мастерская Медведева на Загородном проспекте была одним из ключевых мест общения ленинградского андеграунда.

²² *Майя Хлобыстина* (род. 1963) – художница, член группы «Новые художники», младшая сестра известного художника и критика Андрея Хлобыстина.

Глава 5

Из другого мира

В галерее было не протолкнуться. Лица мелькали, как в безумного темпа мультике, глаза сверкали, дорогие туфли сновали по полу, переноса своих хозяев от картины к картине. Повсюду стоял непрерывный гул голосов. Я увидела архитектора Фрэнка Гери²³, музыканта Грэма Нэша²⁴, владельца *Hard Rock Café* Питера Моргана, не говоря уже о бесчисленных коллекционерах с накладными плечами и бездонными карманами.

Было очевидно, что все эти люди впечатлены выставкой: они жадно рассматривали пышущие энергией холсты с другого края света.

«По большей части примитивистские по своей стилистике, брызжущие веселым, по-детски заразительным юмором, эти яркие красочные работы полны мифических зверей, танцующих фигур, настоящих животных и карикатурно изображенных людей», – писал на следующий день в своей рецензии критик газеты *Christian Science Monitor* Дэниэль Вуд.

А на самом вернисаже критики и кураторы бесконечно обсуждали проявляющийся, несмотря на отсутствие политической тематики, бунтарский дух этих художников, повсюду были слышны разговоры о нонконформизме и безудержной энергии.

Я бесшумно подошла к Ричарду Кошалеку²⁵ и услышала его разговор с журналистом.

– Эта коллекция – блестящее подтверждение того, что новаторство и эксперименты в искусстве вовсе не исключительная прерогатива западного индустриального мира, – говорил он, возбужденно размахивая рукой с зажатым в ней бокалом. – Эти молодые русские доказали, что творческий дух у них в стране жив, несмотря на все властные ограничения.

Воодушевленная и восторженная, я переходила от одного разговора к другому, поражаясь, насколько по-иному русское искусство воспринималось по сравнению с русской музыкой. Рок-музыка с ее непонятными для большинства людей на Западе текстами, которые на самом деле имели ключевое значение, характеризовалась и рассматривалась как «русский рок». В то время как картины приняли как просто интересное искусство, а вовсе не как исключительно уникальное проявление русского опыта.

Искусство говорит там, где бессильны слова, – я и не отдавала себе отчет, насколько верна эта услышанная когда-то мной истина. Каким-то чудодейственным образом – на другом конце планеты, в залитой лучами закатного калифорнийского солнца галерее – работы «Новых художников» сумели объяснить то, что нужно было знать людям.

– Здесь есть юмор, о существовании которого в России я и не мог подозревать за те несколько раз, что там бывал. И это очень радует, – услышала я голос Фредерика Уайсмана²⁶.

У Уайсмана была одна из самых больших и самых эклектичных художественных коллекций в Америке, и он славился любовью к дерзким, прихотливым темам в искусстве. И хотя работы на нашей выставке не продавались, он, не отрываясь, смотрел на многие холсты.

– Человечность, – наконец-то философски изрек он, скрестив руки на груди.

²³ *Фрэнк Гери* (род. 1929) – выдающийся американский архитектор, основоположник архитектурного деконструктивизма. Лауреат Притцкерской премии 1989 года. Среди самых известных его зданий – Музей Гуггенхайма в Бильбао, «Танцующий дом» в Праге, Музей музыки в Сиэтле, концертный зал имени Уолта Диснея в Лос-Анджелесе.

²⁴ *Грэм Нэш* (род. 1942) – британский и американский рок-музыкант, прославился еще в начале 1960-х годов как участник британской группы *The Hollies*. В 1968 году вместе с американцами Дэвидом Кросби и Стивеном Стиллзом объединился в супергруппу *Crosby, Stills and Nash*. Позднее к ним присоединился Нил Янг.

²⁵ *Ричард Кошалек* (род. 1941) – во время описываемых событий главный куратор, а впоследствии директор лос-анджелесского Музея современного искусства, МОСА.

²⁶ *Фредерик Р. Уайсман* (1912–1994) – крупнейший американский коллекционер современного искусства. Его имя носит Фонд искусств Фредерика Уайсмана в Лос-Анджелесе и Музей Уайсмана в его родном Миннеаполисе.

– Что еще у нас есть, кроме искусства? – в тон ему с улыбкой ответила я.

Так начался наш диалог, который привел потом к замечательной дружбе и последующим совместным поездкам в Россию. В конце концов я все же продала ему пять-шесть работ. Его фонд охотно давал работы для выставок в многочисленные музеи по всей стране, а сам он был одним из лучших людей, с кем меня сталкивала жизнь. И еще он по-настоящему *понял* – *понял, что* на самом деле представляет собой Россия. Он также согласился купить вещь, которая должна была бы стать его подарком лос-анджелесскому Музею современного искусства²⁷ в качестве примера современной выразительности. Музей выбрал одну из самых авангардных работ на выставке – «Первый портрет Ленина на пластике», прозрачную душевую занавеску, на которой Африка черным фломастером нарисовал огромное лицо вождя.

– Самая дерзкая работа, – согласился Уайсман. Мы стояли перед ней, как два кролика, склонив головы в одну сторону. В этом жесте – изобразить грязного игрока коммунистической политики на материале, символизирующем чистоту и уединение, – было на самом деле что-то революционное.

«Эти мои работы недолговечны, – говорил Африка о своих рисунках на пластике, – я не рассчитываю, что они проживут больше двух лет». Эфемерные и легковесные, но вместе с тем бескомпромиссные и самодостаточные работы Африки сваливались обычно внезапно, как снег на голову, когда их никто не ожидал. А я за все эти годы так и не удосужилась проверить, сохранился ли в *МОСА* этот портрет.

В разгар вечера к галерее подкатил роскошный роллс-ройс, и из него торжественно выплыла и прошагала в галерею известная модель *Playboy* Барби Бентон²⁸ в норковой шубе. Чем она думала? Заявиться на вечер «Гринписа» в меховой шубе! Долго она не задержалась, кто-то все же высказал ей свое отношение к ее наряду, и она поспешно ретировалась.

Успех выставки окрылил меня. Я была счастлива за своих друзей, и ко мне вернулось утраченное было чувство близости с ними.

– Ну, что скажешь? – спросила я Джуди, заметив в толпе ее круглое лицо и темные волосы.

– Скажу, что тебе нужно подвинуться чуть-чуть левее, – ответила она, пристально глядя в меня через объектив фотоаппарата. – Встань рядом с портретом Юрия. Нет, нет, погоди! Все же встань чуть правее. Теперь сделай шаг назад, чтобы свет падал на тебя лучше. Вот так!

– Это люди из космоса, – произнесла я с улыбкой, указывая на маленькие фигурки на одной из картин.

– Они все из другого мира! – прокричал мне в ответ кто-то проходивший мимо.

Это было действительно так, и хотя в тот момент я думала только об *этом* мире – том, в котором я находилась, – в глубине души я хотела как можно скорее вновь полететь через океан и континенты. Мне не терпелось вернуться в Россию и показать всем многочисленные фотографии с выставки и статьи о ней. Цель моя всегда состояла в том, чтобы поделиться тем даром, которым одарили меня мои друзья, и я была счастлива, что не только сумела сделать это первой в этом мире, но и привлекла к этому дару столь огромное внимание. Никогда еще не чувствовала я такой благодарности. Я прочно стояла на земле в разукрашенной Олегом Котельниковым рубашке и своей огромной джинсовой куртке, но голова моя витала далеко в облаках.

²⁷ *Museum of Contemporary Art* также известен по своей аббревиатуре *МОСА*.

²⁸ *Барби Бентон* (род. 1950) – американская модель, актриса и певица. Кроме позирования в *Playboy* участвовала в нескольких телевизионных сериалах и записала несколько альбомов.

Глава 6

Мы пришли с черными гитарами

Я где-то слышала, что правильная цель – не жить вечно, а создать что-то, что будет жить вечно. 17 февраля 1988 года темным лос-анджелесским утром я стояла в носках и тихо напевала бессмертную мелодию песни Саши Башлачёва. В возрасте 27 лет один из величайших бардов России погиб, выпав из окна квартиры на девятом этаже. Его больше не было, но у меня перед глазами стоял незабываемый облик страстного поэта и сказителя, его пальцы в безудержном акте любви с двенадцатистрункой – до тех пор, пока сочащаяся из них кровь как выдержанное вино не начнет стекать по деке. За свою короткую жизнь Саша, к сожалению, оставил нам не так много, и песни его так никогда и не удостоились профессиональной записи. Он играл для небольших групп друзей, и мало кто знал, кто он такой и что потеряла страна с его смертью. Я безмерно рада тому, что мы с сестрой Джуди сняли Сашу за исполнением многих его песен. Память о нем благодаря этому жива, и новое поколение русских людей может познакомиться с его могучими поэмами и захватывающими сагами. Он, возможно, не стал так же широко любим и почитаем, как Владимир Высоцкий, но для меня и моих друзей он всегда был полубог, с ниспадающими на плечи волосами и печальными искрящимися глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.